

Женские
судьбы

Анна Карлссон

*За пеленой
дождя*

Анна Карлссон
За пеленой дождя
Серия «Женские судьбы»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190741
За пеленой дождя / Анна Карлссон: Издательство «Четыре
четверти»; Минск; 2020
ISBN 978-985-581-338-6*

Аннотация

«Жить надо для других»... Это прививалось Клавдии любящими родителями с детских лет. И потому ей трудно самостоятельно принимать решения. Считая себя посредственностью, она полагается на чужое мнение и доверяет советам подруги. Обожая мужа, не перестает удивляться, как он мог выбрать ее среди множества более достойных счастья женщин. Попав в водоворот неприятных и странных событий, ей кажется, что жизнь потеряла всяческий смысл. Она не предполагает, что у нее может появиться шанс не только увидеть собственную жизнь со стороны, но и начать все сначала.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Анна Карлссон
За пеленой дождя
Повесть

© Карлссон А., 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,
2020

Часть первая

Муж, как обычно, собирался на работу. Кажется, что я могу смотреть на него бесконечно и никогда не устану любоваться. Больше пяти лет мы вместе, а я все не могу привыкнуть, что каждое утро просыпаюсь с ним рядом. Пять лет, шесть месяцев и двенадцать дней он со мной рядом, а я до сих пор не верю в свое счастье.

Сейчас он выдавит из баллона шарик ароматной пены для бритья и примется неспешно распределять ее по лицу. Интересно, может ли какая-то женщина оставаться спокойной, когда ее муж бреется? Лично я нет. Так хочется прислониться к его спине, обнять, прижавшись всем телом. Слушать, как он еле слышно напевает мелодию и знать, что это домашнее божество принадлежит только тебе и никому больше. Пусть все женщины мира обзавидуются – такой красавчик им никогда не достанется. К сожалению, моего присутствия в ванной он не выносит, поэтому я быстро прохожу мимо, делая вид, что совершенно не интересуюсь тем, что происходит внутри. Его можно понять. Настоящий мужчина всегда сдержан и терпеть не может любых сантиментов. А мой Женечка – самый настоящий мужчина!

– Дорогой, сделать тебе бутерброд с колбасой или сварить овсянку?

– Овсянку, пожалуйста, – донеслось из ванной.

– На воде или на молоке?

– Милая, на молоке, конечно.

– А кофе с молоком или без?

– Котенок, ты же знаешь, что я пью только черный, если ем кашу на молоке, – Евгений уселся на стул и придвинул к себе тарелку с только что сваренной кашей. Слева от себя положил вчерашнюю газету с расписанием футбольных матчей. – Твоя каша невыносимо горячая! Неужели нельзя было ее остудить немного, прежде чем мне подсовывать. Малышка, включай иногда голову.

Он отодвинул тарелку, придвинув поближе чашку с кофе.

– Почему без молока?

– Так ты же... – не успела я закончить фразу, как он поднялся и сам достал из холодильника пакет с молоком.

Кофе из самой обычной чашки в цветочек он пил как настоящий лорд. Конечно, я никогда в жизни не встречала лордов и уж точно не пила вместе с ними кофе, но разве кто-то по изысканности манер может сравниться с моим Женечкой? Только представитель английской знати.

– Какой же ты у меня красивый, – я невольно залюбовалась.

Евгений только покачал головой, словно не услышал моих слов. Это от скромности.

Погладив ему рубашку и приготовив подходящий по цвету галстук и джемпер, я сложила все стопочкой, завершив конструкцию носками, словно вишенкой на торте. Женеч-

ка работает слишком много и должность у него очень ответственная, поэтому все заботы о хозяйстве пришлось взять на себя. Он творческий человек и очень талантливый. К сожалению, больших высот он пока не покорил. Я недавно читала, что у некоторых людей расцвет карьеры наступает после сорока пяти лет – именно к этому возрасту человек осознает, на что он способен. Уверена, что Женечка к своим сорока пяти годам сумеет прославиться и стать великим дирижером. Пока он работает в доме профсоюзов, руководит хоровой студией. Поют там в основном пенсионеры, но это неважно. Ведь студию часто отправляют на гастроли, пока только по близлежащим городам, но в обозримом будущем обещают поездку в Германию. На Рождество там будет проходить конкурс. Я уверена, что студия мужа займет первое место.

Он не любит говорить о своей работе, справедливо считая, что заслуживает большего. Его начальник Павел Андреевич так не считает, но он не видит дальше собственного носа, определенно завидуя таланту мужа. Женечке всего тридцать восемь, а он уже руководитель. К тому же красив, как Аполлон, что радости у мужской части коллектива не вызывает. По словам мужа, у них там не художественная студия, а гадюшник, где каждый другому враг. Но мне кажется, его жизнь безумно интересна. Он дирижер, руководитель коллектива с огромной перспективой в будущем. При его таланте и внешности успех не заставит себя ждать. Высокий,

стройный, подтянутый. Копна густых черных как смоль волос. Таких голубых глаз я не видела в своей жизни никогда раньше. И при этих достоинствах он умудрился жениться на жабе.

Жаба – это я. Смотреть на себя в зеркало без боли невозможно. В юности красотой не блистала, а теперь и подавно. Толстая рыжая тетка. Все тело в веснушках, даже на пятой точке. А эти глаза... В жизни не видела более отвратительного цвета. Ни карие, ни зеленые, тем более ни голубые. Они желтые! словно я хронически страдаю болезнью печени. Вот же наградили меня красотой. Я как гадкий утенок размерами с бегемота. Как сейчас помню слова мамы: «Закрой рот, дорогая, а то превратишься в гиппопотама, и никто тебя замуж не возьмет». С этой мыслью я выросла, смирившись со своей участью остаться навсегда никому ненужной.

Сколько себя помню – надо мной всегда смеялись. В детском саду воспитатели называли пышкой или плюшкой. Из сочувствия и желания помочь они делили положенную мне обеденную порцию пополам. Признаюсь, было очень обидно. Однако я отрывалась дома, поедая из холодильника все, до чего могла дотянуться, встав на табурет. Во время прогулки воспитательница Мария Иосифовна смеялась надо мной, советуя ребятишкам отойти подальше, когда я качалась на качелях.

– Под нашей Клавой сейчас сиденье проломается, – шутила она, и все ребята заливались смехом.

Я не люблю на себя смотреть, даже на фотографиях. Недавно, убираясь в шкафу, наткнулась на тонкий альбом фотографий из детского сада – я не казалась особенно толстой. Пухленькая, ничего особенно...

Часть ребят из детсадовской группы оказались со мной в одном классе. Имени моего не помнили многие, а вот кличку Пышка знала вся школа. Учительница у меня была очень хорошая. Она пыталась объяснить одноклассникам, что нельзя смеяться над человеческими недостатками. Мол, толстый человек и так страдает из-за своей полноты, смеяться над его бедой неправильно. После ее слов я поняла, что, помимо огромного недостатка, у меня еще и беда.

Самым страшным испытанием для меня стали уроки физкультуры. Какой дурак придумал эту спортивную форму! Мальчишки могли посещать уроки в чем угодно, хоть в брюках и рубашке. Тогда как девочек заставляли надевать спортивные трусы и футболку. Такого позора я бы не вынесла. Я же бегемот, а ему трусы совершенно противопоказаны. Пришлось изображать из себя больную – ходила к врачу и, симулируя то головную боль, то боль в животе, получала временные освобождения. Однажды пришлось так вжиться в образ, что меня отвезли в больницу и на всякий случай вырезали аппендикс. После меня и вовсе освободили от физкультуры из-за частых обращений к врачу и жалоб на плохое самочувствие. Мама говорила, что виной всему ожирение, тогда как учитель физкультуры подозревала меня во лжи и пере-

стала здороваться. Хороших воспоминаний от школы у меня не осталось. Выпускные экзамены пролетели, как страшный сон, и, перетерпев выпускной бал, я навсегда простилась со школой. Закончила я ее со средненьким аттестатом и весом в восемьдесят килограммов, тогда как вес среднестатистических красавиц опускался ниже пятидесяти.

На семейном совете родители решили, что поступать мне надо в педагогический институт. Если честно, меня всегда привлекало искусство, но они не углядели во мне таланта. Боялись, что, следуя своим мечтам, я непременно завалю вступительные экзамены, пропущу год и, забыв школьную программу, вообще не смогу потом поступить в институт. А я обожала рисовать. Изображая на бумаге длинноволосую красотку с тонкой талией, я представляла, что это я. Моя фантазия была настолько бурной, что я уже почти чувствовала себя такой. Мама смеясь говорила, что на такую красоту нужно оставить много тысяч долларов в клинике пластической хирургии, а мне советовала закрыть рот и не переедать. Вроде я и не переедала, только вес не уходил, словно приклеился. Наверное, это мое наказание. Папа говорил, что и такие, как я, могут быть счастливы, хотя бы своей работой и вкладом в общее дело. Он советовал больше думать о внутреннем наполнении, чем о внешней мишуре. Конечно, он наверняка был прав, только я никогда не понимала его слов относительно общего дела. Что он имел в виду? Спросить я не решалась, боясь прослыть не только безобразной,

но и глупой. Я и так знала, что глупа, только не хотела этого демонстрировать. Мне хотелось закрыться в комнате и рисовать, забыв об обществе и пользе на его благо. Оно представлялось мне какой-то бездонной дырой, поглощающей без сожаления людской труд и жизни. В мире за закрытой дверью мне не грозило быть поглощенной им.

В институте учиться было гораздо веселее и интереснее. Никто не обзывал и, вообще, никто ни на кого внимания не обращал. Выпендриваться тоже не было перед кем, потому как особи мужского пола попадались крайне редко. В институте мне нравилось, но радости это не приносило. Помня слова отца, что живут не для радости, другого я и не ожидала. Главное, что родители были довольны. Их ребенок учится и профессию, полезную для общества, получает.

У многих девчонок из нашей группы уже были отношения с парнями. Мне об этом мечтать не приходилось. Да и как было знакомиться, когда на курсе на двадцать девчонок приходился один сутулый паренек с физико-математического факультета. Но и он чувствовал себя в женском царстве настоящим королем или, скорее, султаном. Некоторые знакомились в клубах на танцах. Мой отец говорил, что «нечего шляться не пойми куда по ночам и вертеть задом в непристойных танцах». А мама была с ним полностью согласна.

Да и я стала считать танцы чем-то непристойным. Ведь педагог должен всегда и во всем быть примером! Конечно, какой можно подавать пример, тряся задом на танцуйках.

Настоящая радость в мою жизнь пришла с появлением на последнем курсе в нашей группе Ирки Федотовой. Сначала она показалась мне некрасивой. Но ее уверенность, смелость и умение себя подать в корне изменили мое мнение. Я не замечала ее утинового носа и небольших, глубоко посаженных прозрачных глаз. Передо мной предстал идеал женской красоты. Вот бы мне научиться ее уверенности, если такое, конечно, возможно. Я думаю, что с ее появлением в моей жизни наступила светлая полоса.

Правда, она даже не заметила меня, когда с модной розовой лакированной сумкой через плечо впервые переступила порог нашей аудитории, когда занятие уже началось. Все внимание тут же устремилось на нее. Если бы такое случилось со мной, я бы просто умерла на месте от страха. Боюсь, что предпочла бы смерть чрезмерному вниманию. Такой уж я человек.

Ирка же вошла как королева. Даже наш преподаватель Василий Семенович не смог сделать ей замечания. Обычно он никого не оставлял без своих язвительных замечок. Особую радость ему доставляло подтрунивать над студентом, переиначивая его имя или фамилию. Маше Дуровой он много раз говорил, что фамилия полностью соответствует ее внутреннему содержанию. А Тане Масловой советовал есть меньше

масла, чтобы уместиться за партой. До меня очередь пока не дошла, но я уверена, что это только потому, что фамилия моя не очень ему интересна. Что можно придумать с фамилией Иванова? Лично мне в голову никаких идей не приходило.

Ирка была смелая, даже дерзкая, и он понял, что на свои шуточки может получить достойный отпор, поэтому промолчал. Ирка была не чета нам, к тому же оказалось, что она старше всех в группе на год. Обведя взглядом аудиторию, она села с самой симпатичной девчонкой – Марианной Соколовской. У Марианны папа был большой начальник, девушка выглядела как модель из журнала. Вдвоем они сидели недолго: между ними произошел конфликт. И в один прекрасный день Ирка села рядом со мной. Так началась наша дружба.

Мы были неразлучны. По крайней мере, в институте. К сожалению, подруга была замужем, и я не имела возможности проводить вместе с ней больше времени. С ее мужем я не была знакома, но имела о нем весьма четкое представление: самовлюбленный индюк, требующий полного подчинения, жмот, каких свет не видывал. Несмотря на его жадность, одевалась Ирка хорошо. Она говорила, что в этом только ее заслуга. Еще она называла его тираном и часто плакала на перерывах между парами. Мне было ужасно ее жаль. Почему так всегда случается, что хорошему человеку достается недостойный партнер? Я решила, что буду очень вниматель-

на к мужчине, когда буду с ним знакомиться. И уж точно не выйду замуж за хама. Нет ничего хуже, когда мужчина сквернословит. У меня на подобных аллергия. Конечно, если хоть когда-нибудь я буду встречаться с мужчиной. Так думала я тогда.

Иногда Ирка уезжала с мужем на отдых и просила меня ее выручить. Я была готова на все ради подруги. Гордость переполняла меня, ведь из всех девчонок в группе она выбрала меня, и я не должна была ее подвести. Да и совсем несложно переписывать свои конспекты в ее тетрадь. Шпоры для экзаменов я тоже писала в двойном экземпляре. Даже представить страшно, что Ирку могли отчислить за неуспеваемость, а я осталась бы одна. Мне хотелось прикоснуться к ее жизни – хотя бы кончиками пальцев...

Перед дипломом Ирка снова собралась уезжать, попросив набросать для нее текст дипломной работы. Признаться, меня эта просьба не порадовала, я искала причину, чтобы отказаться. От нежелания обидеть подругу, бесконечных сомнений, собственной неуверенности я перестала спать ночью, ведя сама с собой бесконечные споры. Я пробовала и так, и эдак, но выходило коряво, глупо и очень обидно. Пришла даже мысль посоветоваться с мамой. Как всегда, не получилось выбрать подходящее время для разговора. Пока я мямлила о своей проблеме, она перевела разговор на другую тему. Когда после долгих мучений я наконец решилась поговорить с подругой, ситуация разрешилась сама собой. Ирка рассказа-

ла о своей беде. Бедная моя подружка, я и не подозревала, как она несчастна. Оказывается, ее подлец-муж пригрозил разводом, если она не родит ему ребенка. По словам Ирки, она что-то по-женски застудила и забеременеть у нее никак не получалось. Я ревела белугой, слушая о ее страданиях. Подруга нуждалась в помощи, ей нужно было срочно ехать на лечение. Я так сильно любила ее и еще не рожденного малыша, что без колебаний согласилась написать за нее дипломную работу. Если разобраться, то это оказалось не так и трудно. Как я могла ночи не спать и портить свою нервную систему из-за такого пустяка. Страшно подумать, что я собиралась ей наговорить. Даже вспоминать об этом стыдно. Все же я жуткая эгоистка. Права была моя бабушка, которая так меня называла.

Загоревшей и похорошевшей вернулась Ирка после лечения, а через пару месяцев она сообщила, что ждет ребенка. Я была очень счастлива за нее. Тема Иркиного диплома оказалась очень интересной. Дипломы мы защитили: я на четверку, а подружка на пятерку. В этом виновата только я сама, нужно быть более уверенной.

Мама помогла мне устроиться на работу в детский сад неподалеку от дома, в котором жила бабушка, которую родители забрали к себе, а я переехала в бабушкину одноком-

натную квартиру. Так началась моя самостоятельная жизнь. Родители у меня очень хорошие. Мама помогла с ремонтом. Правда, вкусы у нас разные, но это же мелочи, не стоит обращать на них внимания. Я люблю теплые тона, а она предпочитает холодные, говорит, что они дают больше воздуха и простора. Комнату оклеили салатовыми обоями с большими серебряными букетами. Воздуха они давали столько, что мне постоянно было холодно. Но не обижать же маму из-за собственных капризов, она же старалась. На стенах висели картины, которые не вызывали у меня симпатии. Но не все ли равно?..

В саду я оказалась определена в младшую группу. Как объяснила заведующая, детки в ней уже вполне самостоятельные: сами кушают, ручки моют и в туалет ходят. Работать предстояло посменно. Сменщица моя понравилась сразу. Она была намного старше меня и опытнее. Для меня это было крайне важно – я боялась сделать что-то неправильно. Это же не шутка, работать с детьми. Если честно, я их боялась, не понимала, что с ними делать.

В группе было восемнадцать малышей: они играли на ковре, крича, смеясь и плача одновременно. От их звонких голосов я почти оглохла. Моя старшая напарница, которую заведующая попросила помочь мне в первое время, напутствовала советами:

– Ты с ними не очень-то церемонься, чай, не свои.

В мгновение ока она растащила дерущихся мальчишек,

определив каждого в угол. Девочки перестали плакать, испуганно наблюдая за Тамарой Максимовной.

– Вот видишь, – она с удовлетворением обвела взглядом помещение. – Ты меня слушай, и все будет, как надо.

И я слушала. Все же она была пожилой, а значит мудрой. Да и папа говорил, что старшие всегда правы, потому что умнее и жизненный опыт у них богаче. То, что Тамара Максимовна была умной, я поняла довольно скоро: у нее всегда были уважительные причины, чтобы выходить на работу в первую смену. Я пару раз сказала, что тоже хотела бы работать в первой половине дня, но снова получила упрек в эгоизме. Оно и понятно. У нее муж, дети и даже внуки, меня же никто не ждал. Первая смена хороша тем, что после обеда ты свободен, да и уходишь без задержки. На второй смене ты никогда не знаешь, во сколько вернешься домой. Почти ежедневно кто-то из родителей опаздывает с работы. Иногда детей и вовсе забывают забрать. Тогда приходится названивать и напоминать, что в саду томится их чадо.

Я очень уставала на работе. Плелась туда, как из-под палки. Стыдно сказать, но оказалось, что детей я не очень-то и люблю. Наверное, я какая-то неправильная, раз меня посещали такие чувства. Все они милые и хорошие, когда по отдельности. Но всех вместе я с трудом выносила. От шума постоянно болела голова, и никакие таблетки не помогали.

С Ирккой мы виделись нечасто. Иногда она привозила своего трехлетнего сына Алешу, полагая, что у меня на него хо-

рошее влияние. Добрая, она искренне видела во мне настоящего педагога. А какой я педагог – курам на смех.

Алеша был мальчиком сложным, поначалу общаться не желал. Как только мама уезжала, он прятался под стол, и никакими уговорами его оттуда было не выманить. Даже еду приходилось ставить на пол – не погибать же ребенку от голода. К следующему его появлению в моей квартире я подготовилась. Купила коробку пластилина, альбом с цветными карандашами и несколько детских книжек. Как и положено, после ухода мамы мальчишка спрятался под столом. Пластилин и карандаши его не заинтересовали, а вот к книгам он проявил огромный интерес: сказка про доброго доктора Айболита была для него очень интересной. Сначала я заметила, как из-под стола появилась светлая головка: два внимательных глаза следили за мной. Сам он пока подойти не решался. Усевшись на диване, я читала вслух. Мальчик приблизился, понимая, что со мной ему ничего не угрожает. Через час непрерывного чтения я окончательно охрипла, но подарком послужило то, что Алеша сидел рядом, разрешая дотронуться до своей руки. Мы стали добрыми друзьями. Он рассказывал о себе и о друзьях, которые большей частью оказались лишь плодом детской фантазии.

Он был очень одинок. В сад мальчик ходил редко, часто болел. Родителей дома почти никогда не было. Ирка работала в рекламной фирме, и ей приходилось много ездить по другим городам, пропихивая на рынок новые товары. А муж,

со слов подруги, превратился в абсолютного подлеца. Мальчик же большей частью сидел с приходящими няньками вроде бабушек, дедушек, внучатых племянников и прочих родственников. Я посоветовала Ирке завести какого-то питомца, чтобы у ребенка появился друг. Это поможет воспитать в нем ответственность, которая пригодится в дальнейшей жизни. Ирка послушалась моего совета. Через какое-то время Алеше купили по дешевке попугая у какого-то контрабандиста. Неизвестно, как он переправлял птиц из Новой Гвинеи и продавал любителям экзотики в нашей стране. Алеша не был в восторге от птицы, называл попугая хитрым. Дети же такие фантазеры! Могут приписать животному любые человеческие качества, как я тогда думала. С повадками Иннокентия, так звали Иркиного попугая, я смогла познакомиться поближе через пару лет, когда вынуждена была присматривать за ним в отсутствие хозяйки.

...Ирка с сыном отправилась погостить у родственников в Италии. У ее троюродной тетки дочка вышла замуж за итальянца и проживала во Флоренции. Умные итальянцы предпочитают летом уезжать в страны с более приятным климатом, тогда как наши соотечественники обожают жариться на солнце в сорокапятиградусную жару. Оставив квартиру в полном Иркином распоряжении, итальянская парочка направилась познавать Скандинавскую природу с ее бесконечными дождями. Ирка же, забыв о сесте, шастала по знойным улицам и ездила на автобусе к морскому побережью.

Алеша жару переносил плохо, поэтому все дни поводил дома под присмотром итальянской няньки – соседки, матери трех детей, поэтому четвертый ей был не в тягость. По крайней мере, так считала Ирка, не особо вдаваясь в нюансы темпераментной речи женщины. Муж в путешествии участия не принимал, предпочитая оставаться дома. По словам Ирки, попугая ему нельзя было доверять, потому как друг друга они на дух не выносили. Она даже предполагала, что этот подлец способен извести птичку насмерть. Такой была его ненависть.

Итак, Иннокентий был перевезен в мою квартиру и водружен вместе с клеткой прямо на обеденный стол. Больше разместить его было негде. На ласковое «Кеша» он не откликался, предпочитая уважительное к себе обращение. По правде говоря, уважать его было особенно не за что. Мне кажется, более бесполезного существа на свете нет и быть не может.

Он с презрением осмотрел свое новое пристанище и смерил его хозяйку, то есть меня, холодным взглядом. Я могу его понять. Кто бы радовался, если бы насильно его переселили из многокомнатных хором в скромную однокомнатную халупу. Иннокентий явно не был счастлив подобным переменам в своей жизни. Он решил мстить.

Нужно заметить, что попугай этот был не милой маленькой птичкой, каким я себе его представляла. Ирка говорила, что это какаду, но я мало разбираюсь в птичьих породах. Когда-то я видела у одной знакомой попугая. Сидел он

весь такой зеленый в симпатичной клеточке, кушал яблоко и тихонько чирикал что-то на своем птичьем языке. Теперь я знаю, что это был волнистый попугай. С какаду он не имеет ничего общего. Иннокентий был раз в десять больше той птички и яблоки кушать категорически отказывался, как и сидеть в клетке. Ростом он был примерно полметра, а когда распушал свой хохол на голове, становился и того больше. Клюв его выглядел устрашающе, как и лапы, снабженные огромными когтями. Меня Иннокентий не полюбил сразу и всячески это демонстрировал. Проходя мимо, он исхитрился побольнее ущипнуть меня за ногу. Если он летал, то плоды его активной жизнедеятельности падали мне на голову или же в постель. Поэтому по дому мне приходилось ходить в шапке. Загнать его в клетку не представлялось возможным. Из списка продуктов, который мне оставила Ирка, предназначенных для кормления любимца, он практически ничего не ел. Зато хорошо питался из моей тарелки. Все ему было нипочем, птичий желудок работал, как часы. Ел он суп и кашу, не брезговал даже жареной курицей. Про себя я называла его каннибалом. Вдуматься только, ведь курица из того же отряда пернатых, что и Иннокентий. Жуть какая.

Удивительно, как у такой замечательной во всех отношениях женщины, как моя подруга, прижилось такое мерзкое животное. Когда я думала о том, что делить жилплощадь с монстром мне предстоит долгие два месяца, меня охватывала паника. Уходя на работу, я видела в кухонном окне боль-

шое белое пятно с желтым хохлом. Удостоверившись, что я не вернусь, он приступал к мщению. Наверное, он думал, что я специально забрала его у любимой хозяйки.

...Вечером в доме заставала полный разгром. Разбитая посуда, оторванные корешки книг, обгрызенные цветы. Признаюсь, от отчаяния меня даже посетила мысль оставить открытым окно, чтобы домашний тиран самостоятельно покинул пределы моего жилища. Я даже открыла ненадолго форточку на кухне. Но Иннокентий не был дураком, улетать не собирался. Он хитро посмотрел на меня и заглотил кусок копченой колбасы, отщипнув его от целого батона. Алеша был прав, попугай был весьма хитер и сообразителен. Я пыталась воздействовать на него не только строгим голосом, но и лаской. Эту заразу было ничем не пронять. Он смотрел на меня, как на низшее существо, не собираясь реагировать на нравоучения. Прошло почти две недели со дня подселения в мою квартиру неприятного соседа. Во что превратилась моя жизнь за это время, сказать страшно. Постель и одежда были обгажены паршивцем, ноги покрыты синяками, в квартире стоял полный разгром. Двух месяцев мне было не вынести. Умирать в расцвете лет тоже почему-то не хотелось. Я решила перехитрить пернатое чудовище: зная его нешуточную любовь к бразильским орехам, решила раскошелиться на рынке, чтобы осуществить мой план. Достав из большого пакета орех и покрутив им у попугая перед носом, я демонстративно положила в клетку целую горсть. Иннокентий,

предвидя недоброе, долго смотрел мне в глаза, пытаясь понять, что я замыслила. Чтобы скрыть свои нехорошие мысли, я направилась к раковине, якобы с целью мыть посуду. Не долго думая, Иннокентий шагнул в клетку. Дождавшись, пока он забудется, поглощая лакомство, и потеряет бдительность, я рванула к клетке и заперла дверцу на большой висячий замок, который специально для этого случая купила в магазине. Придя в ярость от моей подлой выходки, Иннокентий пробовал даже перекусить прутья клетки. Мне показалось, что ему это почти удалось. Он проклинал меня птичьими ругательствами. Если бы ему удалось вырваться на свободу, мне пришлось бы проститься с жизнью. Побушевав еще какое-то время попугай притих.

Я решила из клетки птицу больше не выпускать, чтобы раз и навсегда прекратить издевательства над собой. В конце концов, я – человек, и никакая животина не смеет превращать мою жизнь в ад. Иннокентий выглядел вполне спокойно и аппетит его свидетельствовал о хорошем самочувствии. Только однажды я стала замечать, что перьев на его теле стало вроде бы меньше. Или же они потеряли прежнюю густоту. Сквозь проглядывала бледная кожа. На столе, где стояла клетка, можно было найти его белые перышки. Посоветовавшись в аптеке, купила ему витамины, надеясь, что все восстановится. Виданное ли дело, чтобы попугай ел мясо и копченую колбасу. Человек от такой пищи облысеть может, не то что экзотическая южная птица. Чтобы воспол-

нить нехватку витаминов и микроэлементов, я спустила на рынке почти всю зарплату, купив всевозможных фруктов и овощей. Несмотря на мои старания, Иннокентий стремительно терял оперение. Теперь он больше напоминал кукушонка своей плешивостью. Я бы так и терялась в догадках, пытаюсь установить причину облысения, если бы совершенно случайно не увидела, как попугай самостоятельно выщипывал у себя перья. Заметив, что я на него смотрю, Иннокентий прекратил самоистязание, но было уже поздно. План был раскрыт, как и метод его исполнения. Я была абсолютно уверена, что делал он это для того, чтобы навеки рассорить меня с подругой. Вот, мол, гляди, кого выбрала себе в друзья. Но как помешать хитрому птенцу в осуществлении задуманного коварства? Не приковывать его, в конце концов, наручниками. Наконец, попугай выщипал у себя все перья и стал похож на гадкого голого кукушонка синего цвета или ожившую вдруг магазинную курицу времен развитого социализма. Кто помнит, они тогда продавались исключительно с головой, которая болталась на голой, непомерно длинной шее. Будучи в то время маленькой девочкой, мне казалось, что нет ничего страшнее этого синюшного магазинного выродка. И теперь точно такая синяя птица сидела на моем столе в клетке, с немым укором смотрела на меня хитрыми глазами, ожидая мести любимой хозяйки за сотворенное с ним злодеяние. Нужно сказать, что никакой вины я за собой не чувствовала, потому что кормила кукушонка сверх возмож-

ностей моей зарплаты. Вскоре синяя птица моего несчастья совсем загрустила. Несмотря на жаркую погоду за окном и зной на кухне, его била мелкая дрожь. Очевидно, попугаи чувствуют себя не слишком хорошо без оперенья. Заглянув в детский магазин, я купила симпатичную вязаную кофточку и чепчик ей в цвет. Любезная продавщица, желая проявить участие, интересовалась, покупаю я для мальчика или для девочки. Когда я сказала, что это для попугая, она умерила свою любезность и отправилась о чем-то шептаться со своей напарницей.

Когда возник вопрос, как нарядить Иннокентия в обновки, я призадумалась. Возможно, воспользовавшись случаем, он попытается вырваться на свободу. Можно и глаза лишиться, если он применит холодное оружие, коим наградила его природа. Выглядел он не слишком агрессивным, поэтому я все же решилась. Когда открыла замок, птенец даже не отреагировал. Ему было все равно даже тогда, когда я засунула руку в клетку. Как же мне было неприятно дотрагиваться до голого существа. Казалось, что он непременно будет холодным и влажным. К радости моей он был теплым и сухим. Стараясь ничего ему не сломать, я запихала в рукава детской кофточки то, что еще недавно было крыльями и, нахлобучив чепчик на голову, завязала на его тощей шее тесемки. Другого выхода я не видела.

Вечером следующего дня вернувшись с работы, я застала Иннокентия лежащим на полу клетки. Он тяжело дышал, и

вид его был ужасен. Медлить было нельзя. Что делать, я тоже не знала. Хотела было набрать знакомый номер неотложки, но кто же поедет спасать моего кукушонка? Схватив в ванной большое банное полотенце, я уложила на него Иннокентия, спеленав, как младенца. Выскочив на улицу, я попыталась поймать машину, еще не зная, куда ехать. Я долго махала руками у обочины дороги, но никто не спешил мне на помощь. Оно и понятно, кому охота тащить куда-то тетку с «младенцем» под конец рабочего дня. Я старалась выбирать машины попроще, чтобы соблазнить водителя если не собственным видом, то хотя бы возможностью заработать. Это в американских фильмах все легко. Выходит такая красотка, показывает коленку и едет, куда ее душе угодно совершенно бесплатно. Про мою красоту я бы предпочла не распространяться.

Когда остановилась какая-то иномарка, я даже и подумать не могла, что это может относиться ко мне. В это время в кульке захрипел Иннокентий, и я, заливаясь слезами, пыталась ему помочь. Чем именно, я, конечно, не знала. Не представляя, как делать птицам искусственное дыхание, зажав попугаю клюв, я пыталась вдуть воздух в его нос. Я же знаю, что у людей нос и рот соединяются между собой. Скорее всего, попугаи имеют похожее строение. Очевидно, я ошибалась. От моих действий голова его только становилась больше, но в глазах радости не прибавлялось. Других способов оживления я не знала. Рыдая в голос, я не заметила, как сза-

ди подошел кто-то.

– О Господи! – неожиданно вскрикнул незнакомец. – Что это у вас в кульке?

– Попугай. Непонятно, что ли? – любопытный человек сразу начал меня раздражать.

Мало того, что мир полон черствых людей и никто не пришел на помощь, когда я в ней так нуждалось, так еще пристают всякие с дурацкими вопросами.

– А вы зачем его надуваете? Вы не любите попугаев? – он заглянул в конверт, где Иннокентий безмолвно испускал дух. – Какой же он у вас страшный, почему-то лысый и в шляпе. Это вы его общипали?

– Да, я, – с вызовом сообщила я. – Собираюсь суп из него варить! А вы, гражданин, шли куда-то? Вот и идите. В добрый путь.

– Я-то подумал, что вы пытались остановить машину. Кажется, вы задушили бедное животное завязками от этой шапки, – сказал он и принялся развязывать тесемки на тонкой шее Иннокентия.

Развязать их не удалось – пришлось вырвать вместе с кусками от шапки. Мой попугай, набрав полную грудь воздуха, ожил.

– Может, стоит показать вашего питомца врачу? – предложил незнакомец. – Голый попугай – это что-то новенькое. Хотя уже вывели породу голых котов и собак. Вот и до попугаев добрались? А что, весьма гигиенично, протер тряпоч-

кой и все. Ничего, что страшенький. Свой страшилка – это почти то же самое, что красавчик.

Я решила прервать монолог веселого товарища:

– Вы знаете, где находится клиника для попугаев?

– Знаю, где находится ветеринарная. Могу даже вас туда домчать, чтобы еще чего не приключилось с вашим любимцем, – он еще раз глянул на голое существо и поморщился.

Нас с Иннокентием усадили на заднее сиденье, и машина помчалась вперед. В то время я мало соображала, что делаю, куда еду и с кем. В голове была только одна мысль: спасти моего мучителя. Машина тем временем выехала за пределы города и свернула с шоссе на небольшую дорогу, ведущую куда-то в лес. Я сидела и наблюдала, как мимо мелькают сосновые стволы. В голову лезли мрачные мысли. А вдруг водитель был маньяком – убийцей, и вез меня в лес, чтобы удавить и закопать в непроходимой чаще? Сейчас я была даже рада, что рядом со мной находился Иннокентий. Во-первых, потому что умирать вдвоем не так страшно. Во-вторых, я избавлю мир от пернатого чудовища. Меня несколько огорчало, что, занятая своими проблемами, я не смогла запомнить примет преступника, если все же останусь жива. Хотя это вряд ли возможно. В зеркало заднего вида я могла видеть только его глаза. Голубые, красивые.

Внезапно сосны расступились, и впереди показалось симпатичное здание, похожее на теремок. Большая вывеска информировала, что мы прибыли в ветеринарную клинику

«Любимый питомец». Очевидно, насилие пока откладывалось. Еще поживем!

В холле клиники нас встретила приветливая медсестричка.

– Ой, – защебетала она и заглянула в конверт.

Я ожидала, что девушка сморщит нос от ужасного вида его обитателя. Не удивилась, даже если бы нам немедленно указали на дверь. Произошло неслыханное. Она засюсюкала, называя моего кукушонка миленьким и сладеньким и, прихватив его, устремилась вперед по коридору. Я еле поспевала за ней, удивляясь, с какой скоростью может перемещаться человек на пятнадцатисантиметровых шпильках. Уж я бы точно костей не собрала. Еще успела подумать и о том, сколько может стоять такая любезность и забота. Решила, что если не хватит наличности в кошельке, оставлю в залог Иннокентия, а сама поеду домой за деньгами. Самое ужасное, что дома денег тоже не было. Все мои нехитрые накопления ушли на питание Иркиного попугая. К тому же я слабо представляла, где нахожусь и как отсюда выбраться. Я попыталась не нервничать и решать вопросы по мере их поступления. Ну и влипла же я в историю...

Я зашла в кабинет, где меня сразу же усадили в мягкое кожаное кресло. Сомнений относительно цены за роскошь и удобства больше не осталось. Осмотрев Иннокентия, доктор приступил к расспросам: чем питалась птица, каково ее обычное настроение, в какие игры привыкла играть и не бы-

ло ли раньше с ним чего подобного. Я огласила оставленный Ирккой список продуктов, опустив рассказ о колбасе, курице и каше с маслом. Доктор качал головой, одобряя птичий рацион. Настроение Иннокентия я назвала обычным. Откуда мне знать, как вел себя паршивец в кругу родной семьи. На счет игр я тоже мало что могла рассказать. Не жаловаться же мне на укусы и издевательства. Других забав кукушонка я не наблюдала. Видя мое смущение, доктор предположил, что я мало общаюсь со своим питомцем и это могло спровоцировать стресс. Мне ничего не оставалось, как признаться в том, что питомец мне не принадлежит. Получила я его, очевидно, в наказание за грехи от подруги, которая уехала в отпуск. Доктор аж подпрыгнул на стуле от радости, что его диагноз оказался верным. Заявив, что стресс всему виной, он принялся писать рекомендации и направления на процедуры, способствующие восстановлению нервной системы попугая. Кто бы так заботился о моей нервной системе.

Пока он писал, мне был выдан прејскурант, ознакомившись с которым мне неплохо было бы хорошенько полечиться от стресса. Когда же я получила на руки бланк с рекомендациями, печаль моя настолько усилилась, что захотелось немедленно смыться, оставив Иннокентия в надежных руках доктора, желательно навсегда. Помимо кучи лекарств, для укрепления нервной системы, иммунитета и роста оперенья, они не забыли направить мою синюю птицу на массаж и различные физиопроцедуры. Кто бы обо мне так позаботился.

О массаже я могла только мечтать. Иммуитет тоже периодически давал сбой. Да и перья на моей голове росли жидкими и неухоженными, витамины им явно не помешали бы. Я бы не возражала в следующей жизни родиться птицей.

Не зная, как поступить, я начала что-то мямлить про зарплату, которую нам задержали и про то, что приду на процедуры в следующем месяце.

– Может, такие вопросы проще решать с вашим мужем? – поинтересовался доктор, видя мою нерешительность.

Откровенно говоря, я бы тоже не отказалась от такого способа решения вопроса. Только есть одна загвоздка – мужа у меня нет, никогда не было и вряд ли уже будет. Правда, доктору я этого не сказала. Неудобно как-то. Тетке почти тридцатник, до сих пор в девках. Права была мама, когда говорила, что никому я такая не нужна. Родители всегда правы.

Доктор снова выступил с инициативой:

– Так что, пригласить вашего супруга?

Теперь мне и самой было интересно, кого он имеет в виду, упоминая о каком-то эфемерном супруге. Я пожалала плечами, в душе не надеясь на чудо. Наверняка в коридоре кого-то ожидает мужчина, которого по ошибке назначили мне в мужа. С другой стороны, можно было сказать, что мой муж, к несчастью, уехал и увез с собой толстый кошелек с огромными деньгами. Тоже неплохая возможность смыться, якобы отправившись за ним в погоню.

Сестричка выглянула в коридор и пригласила кого-то вой-

ти. В кабинете появился красавчик в клетчатом твидовом пиджаке, красных вельветовых брюках и шейном платке вместо галстука. Терпеть не могу шейные платки. Этого хлыща я видела впервые. Он смотрел на меня и улыбался. Я была уверена, что улыбка его была самая, что ни на есть издевательская. Он весь такой ухоженный, а я вся взмокшая и взъерошенная от напряжения, жары и мыслей о деньгах. Сижу, как дура, в старых джинсах и выдавшей виды кофте. К тому же лак на ногтях облупился. Как все не вовремя.

– Тут ваша жена не может определиться, какие из выписанных мною процедуры желает сделать вашему любимцу. Может, вдвоем вам будет проще принять решение?

Я покрылась красными пятнами и по спине пробежала холодная струйка пота. Воображение уже нарисовало картину моего позора. Сейчас он как закричит, что я, мол, не его жена. И как все могли подумать, чтобы он, весь такой из себя, мог быть знаком с такой замухрышкой. Замухрышка, конечно, это я. Закрыв глаза, я ожидала, когда над моей головой прогремит гром и молния поразит меня в самую макушку.

– С удовольствием, – услышала я спокойный мужской голос. – Думаю, мы воспользуемся всеми рекомендациями без обсуждения. Где можно оплатить счет?

Сестричка забежала на своих каблучищах. Наверное, опасаясь, чтобы клиент не передумал. Я была уверена, помимо массажа и ингаляций, в счет они вписали какой-нибудь птичий маникюр и педикюр. Не удивил бы меня и временный

парик, чтобы Иннокентий не увеличил стресс, глядя в зеркало на свое лысое отражение. Хапуги!

Иннокентия предложили оставить в стационаре для наблюдения. Я не возражала, тем более что и за него тоже заплатил меценат, называющий себя моим мужем.

Из клиники мы вышли под руку, продолжая изображать супружескую пару. Мужчина божественно пах дорогим парфюмом, что у меня закружилась голова. Машина у подъезда показалась мне знакомой. «Супруг» предложил присесть на переднее сидение, но я отказалась. Выдумав, что меня укачивает, уселась сзади.

«По крайней мере, смогу как-то подготовиться, сгруппироваться что ли», – думала я, перебирая в голове возможные варианты защиты.

Мысли роились в голове, рискуя взорвать ее от напряжения. Пока я не обратила внимания на то, как предполагаемый маньяк рассматривает меня в зеркало заднего вида. Я узнала его глаза! Конечно же, это были те самые глаза, которые я видела по дороге сюда. Кто же еще мог оказаться рядом и предоставить мне помощь. Только он! Я перестала думать о насилии и убийстве, но мозг все еще работал на полную мощность, пытаюсь понять, что ему от меня надо. Вариант, что я понравилась, можно было сразу исключить. Кому может понравиться тетка не первой свежести, восьмидесяти килограммов веса, с облупленным лаком на ногтях? Я сжала руки в кулачки, чтобы хоть этот недостаток ускользнул от

зорких глаз моего спасителя. А он все продолжал рассматривать меня в зеркало смеющимися глазами. Решив, что сейчас самое время начать разговор о деньгах, я открыла волнующую меня тему.

– Вы не думайте, я вам возмещу все расходы. Только вот зарплату получу и все до копейки... А можно я частями?

– С собственной жены денег не беру, – засмеялся спаситель.

Я покраснела. Женой такого красавчика я быть и не мечтала. Какой изумительный у него шейный платок. Мне всегда нравились мужчины, умеющие их носить. Есть в них что-то высококультурное, интеллигентное.

Красавчик довез меня до самого подъезда, поцеловав на прощание руку. Его имя звучало в моих ушах, как музыка. Я даже начала припоминать, что Евгений было моим любимым мужским именем. Конечно же, он наверняка больше не появится в моей жизни. Но, по крайней мере, будет что вспомнить. Я представляла, с каким удовольствием представила бы его родителям в качестве жениха. Увы, такого быть не может. Мама говорила, чтобы я уже начала присматривать себе кого-то, годившегося если не в мужья, то хотя бы в отцы моему ребенку. Она очень боялась остаться без внуков. Я ее понимаю. Почти все ее подруги наперебой рассказывают о своих внуках, и ей тоже хотелось почувствовать себя бабушкой. Она даже советовала мне присмотреться к работникам ЖЭКа, среди них иногда попадаются непьющие. К тому же

всегда есть повод вызвать их домой. А там, глядишь, что-то путное и могло бы получиться. Маме я не говорила, но советом воспользовалась. В ванной, на мою удачу, начал протекать кран. Предварительно сбегав в парикмахерскую, я набрала номер диспетчера и принялась ждать прихода мастера. Возможно, некоторым женщинам везет с мастерами во всех отношениях, только не мне. Внешние его достоинства описывать не хочется. Мастерство его рук оставило в моем сердце неизгладимый след. Орудуюя ключом, он умудрился сломать смеситель. Затем, крича и матерясь, он оторвал душевой шланг. Венцом явилась залитая кипятком ванная, а воду пришлось отключить во всей квартире и ждать покупки нового смесителя. Востребовав с меня кругленькую сумму за моральный ущерб, мой потенциальный жених убрался восвояси, обещая явиться для установки нового смесителя. Кран в ванную я, конечно же, купила в тот же день, но вот мастера пригласила другого. На этот раз им согласился быть муж моей напарницы Тамары Максимовны. Руки у него, и правда, золотые. Он все быстро сделал и, не взяв денег, удалился. Конечно, неплохо иметь собственного мужчину, на которого можно возложить заботы по дому.

Через неделю позвонила Ирка. Она рассказывала, как прекрасна Италия и какая там погода. Я слушала про море и

ее катание на яхте. Тогда как по моему подоконнику стучал дождь, угрожая перерасти в ливень. От бесконечных дождей дома стало сыро и неуютно. Я ходила в шерстяных носках, накинув на плечи бабушкин пуховый платок, не представляя, что где-то может быть иначе. Ирка мимоходом спросила про Иннокентия. Пока я мычала, соображая, как рассказать обо всем, чтобы подруга не сильно переживала, она уже перешла к другой теме. Оказалось, что она познакомилась с одним итальянцем. По ее словам, он был настолько красив, что описать его простыми словами невозможно. Кроме того, он обладал еще и другими достоинствами. Короче, подруга моя влюбилась. Очевидно, любовь была взаимной, потому что он одаривал ее подарками и называл богиней. В ранг богини Ирку до него никто не возводил, поэтому сердце подруги дрогнуло. Мне она звонила для того, чтобы сообщить, что пробудет в Италии дольше, чем планировала. Я бы тоже могла рассказать ей про красавца на иномарке, но тогда пришлось бы открыть правду про Иннокентия. Этого мне делать не хотелось.

Я была очень рада за подругу. Она была достойна счастья. Веселая, легкая, остроумная. Именно такой должна быть женщина, чтобы нравиться мужчинам. Если бы я весила не восемьдесят килограммов, а была как Ирка, то тоже вела себя совсем иначе. Я могла бы веселиться, шутить и радоваться жизни, зная, что надо мной никто не будет смеяться. Одно дело, когда легкомысленно ведет себя стройная женщина,

и совсем другое, когда хохочет жирный бегемот. Я бы тогда носила легкие платья, а не бесформенные штаны, обязательно купила бы себе туфли на высоких шпильках, как у той медсестры из ветеринарной клиники. Попробовала бы я сейчас натянуть на свои ноги такие каблуки. Вот смеху-то было бы. Мне папа с детства всегда говорил, что такие крупные девочки, как я, должны носить обувь на устойчивом каблучке или же совсем без него. Это для того, чтобы не смотреться нелепо. Конечно, нелепой и смешной мне быть совсем не хотелось, поэтому я старалась спрятать свое грузное тело в мешковатые вещи. Папа говорил, что я на них с мамой совсем не похожа. Он обнаружил во мне сходство с бабушкиной сестрой Маргаритой. Она тоже была большая, похожая на мужчину. Он рассказал мне о ней еще в детстве. Помню, что я потом долгие годы боялась, что на моем лице вырастут усы и борода. Именно так я представляла сходство с мужчиной. К счастью, сия участь меня миновала, а фигуру я могла успешно прятать в объемных свитерах и мешковатых штанах.

В субботу утром в квартире раздался телефонный звонок. Не знаю, почему я занервничала. Родители укатили в пансионат, и утром выходного дня никому бы не пришло в голову мне трезвонить. Успокоив себя, что кто-то просто ошибся номером, я взяла трубку.

– Клавдия? – услышала я мужской голос, и сердце мое забилось чаще.

– Да, – пропищала я в ответ и удивилась, насколько неприятно звучал мой голос.

– Рад вас слышать, – отозвался мужчина, опровергая мое мнение относительно собственного голоса.

Конечно же, я узнала его. Но сознаваться в этом не хотелось. Он не объявлялся целых девять дней. То есть с того самого момента, как подвез меня домой после клиники. Я продиктовала ему номер телефона, но он так ни разу и не позвонил. Я и не ждала, что он вспомнит обо мне, вовсе и не надеялась, а потом забыла. Но на станцию позвонила и попросила проверить линию, вдруг входящие звонки не проходят. Вчера я звонила туда еще раз, где вновь услышала, что с моим телефоном все в полном порядке. Почему я была такой дурой, не дала ему номер моего мобильного, ума не приложу. Поэтому пришлось почти безвылазно просидеть дома все девять дней. И на тебе, он соизволил позвонить. Не очень-то и надо...

– Я думала, что вы уже не позвоните и мы больше никогда не встретимся, – помимо воли сообщил мой собственный голос.

– Это невозможно, – ответила трубка приятным мужским баритоном. – Счета из клиники приходят на мой адрес. Сегодня я вынужден был забрать птицу, и теперь мы вдвоем ожидаем у вашего подъезда.

А я-то надеялась, что звонит он исключительно для того, чтобы продолжить знакомство со мной.

– Сейчас спущусь, – пробормотала я в ответ и положила трубку.

Глянув в зеркало на свое отражение, я ужаснулась. Как это у людей получается выглядеть хорошо с самого утра? Ни тебе отеков под глазами, ни помятого от подушки лица, ни неприятного запаха изо рта. У меня же имелось все это.

Естественно, прическу я сделать никак не успевала, а показываться с тем, что произрастало на моей голове не хотелось. И зачем только я решила сходить в парикмахерскую... Бывает, что просто неймаешь, пока что-то не отчекржишь. Вчера был такой день. И так я красавицей себе не считаю, а тут еще что-то такое начало происходить с волосами, что без слез на себя и не глянешь. За время, проведенное дома в ожидании звонка, я перешерстила интернет, пытаюсь отыскать мастера, способного преобразить меня. До этого времени попадала я исключительно к женщинам. И тут судьба преподнесла мне сюрприз в виде мастера – мужчины по имени Андрей Денисов. Несколько хвалебных отзывов о его мастерстве меня окрылили. Не успела переступить порог салона под названием «Да», как тут же мне предложили чашку кофе. Я посчитала это добрым знаком. Мастер, своим внешним видом больше напоминавший байкера, нежели парикмахера, вышел и профессионально осмотрел мою шевелюру. Не посещала я парикмахерских около года. Со знанием дела Андрей изучил и принесенную мной картинку, где прекрасная брюнетка с прической каре белозубо улыбалась ми-

ру. Мне представлялось, что я стану немного на нее похожей, если заполучу нечто подобное на своей голове.

– Сделаем, – уверенно заявил Андрей и набросил на мои плечи пелерину.

Для начала он решил изменить цвет. Где-то в другом месте я бы побоялась это делать. Осветляющая краска берется моментально, заполняя тонкие волосы ярким апельсинового цвета пигментом. Я даже осмелилась сказать об этой своей особенности мастеру. Он только иронично усмехнулся. Чего я вечно лезу со своими дилетантскими советами? Чтобы успокоить недоверчивого клиента, он рассказывал о современных методах окрашивания, о работе настоящих мастеров своего дела. Свою речь он щедро сдабривал профессиональными терминами, превращая мои слабые надежды на лучшее в уверенность. Когда краска была смыта с волос, я с удивлением обнаружила все тот же оптимистичный апельсиновый цвет на своих волосах. Но и тут мастеру почти удалось убедить меня, что все идет по заранее запланированному плану.

– Чуть добавим тона, и вы себя не узнаете, – заверил он меня и приступил к стрижке.

Создание прически много времени не заняло. Всего каких-то минут пятнадцать – и из зеркала на меня уставилось незнакомое лицо с взлохмаченной мальчишеской стрижкой веселого апельсинового цвета. Мне стало невероятно грустно и так почему-то захотелось уйти, что я предприняла сла-

бую попытку встать с кресла.

– Еще рано, работа пока не закончена, – надавив сильными руками мне на плечи, он заставил задержаться.

Еще пара взмахов ножницами и я отчетливо поняла, кого себе напоминаю. Владимира Ильича Ленина! Нет, не того Ленина с лысой головой и мировой известностью. А маленького кудрявого Володю Ульянова, смотревшего с недетской мудростью с октябрятских звездочек наших ребят в добрые годы застоя. Ну точно Вова Ленин! Только не белокурый ангел нежного возраста, а рыжий хулиган с озорными кудрями на макушке. Сдерживаться больше не получалось. Обзывая себя глупой коровой, обливаясь слезами, сидела я в парикмахерской на виду у всех. Позор!

Убить мастера не поднялась рука, а умереть самой не хватило смелости. И когда уже мужчина моей мечты стоит у подъезда, как показаться ему в таком виде? Будь проклят тот день, когда мне вздумалось пойти постричься. Первое, что попало мне под руку, была шляпа, привезенная папой из Мексики, когда он ездил туда на какую-то конференцию. Не совсем сомбреро, конечно, но определенная схожесть все же имелась. Мама шляпу невзлюбила, называя ту собирателем пыли. Поэтому она перекочевала ко мне. Маме хорошо – квартиру не захламляет, и папа доволен, что его подарок дорог и ценен.

Нахлобучив папин подарок на изуродованную местным дизайнером голову, я отправилась на встречу с мужчиной

моей мечты.

Он стоял с букетом прекрасных белых гвоздик такой красивый, что старухи, с самого утра выползшие на скамейку у подъезда, забывали дышать, глядя на него. Когда же они увидели, кого дожидался неизвестный джентльмен, то давление у них подскочило до критической отметки. Проходя мимо скамейки, я что есть силы старалась держать спину прямо, чтобы продемонстрировать равнодушие к чужому мнению. Однако их громкое перешептывание трудно было не услышать.

– Глянь-ка на Клавку, – перешептывались они между собой. – Нацепила на голову гнездо и думает, что ее такую кто-то замуж возьмет. Совсем, видать, у девки с головой ку-ку.

Как назло, наступив на собственный шнурок, я споткнулась и полетела вперед, вытянув перед собой руки и приземлившись у самых ног мужчины моей мечты. Шляпа свалилась. Однако, несмотря на мою сногшибательную красоту, джентльмен не растерялся. Подхватив под руку, он подвел к машине. На заднем сидении автомобиля меня ожидала еще одна встреча. Не могу сказать, что приятная. Иннокентий тоже выглядел не слишком счастливым от возвращения в нелюбимый дом. На его шею водрузили немислимый воротник, отделяющий объемным пластиковым конусом голову от всего тела. В нем он напоминал принца из сказки, но исключительно своим гордым видом. Тело его было все таким же лысым, синим и неприятным. Но, кое-где уже наме-

чалась некоторая волосистость. В нынешнем положении мы были скорее братьями по несчастью, чем прежними врагами. Он с отвращением оглядел мою новую прическу и позволил взять себя на руки, при этом первый раз не укусив.

Понимая, что мы больше наверняка не увидимся, но отблагодарить человека как-то надо, я пролепетала:

– Спасибо вам большое. Даже не знаю, что бы я без вас делала. Может, на чай зайдете как-нибудь в другой раз? Сейчас у меня в холодильнике пусто...

– Давайте сегодня вечером? – тут же предложил мой спаситель.

Бабки на лавке притихли, чтобы не пропустить ни слова. Я же представила, что мне нужно будет что-то готовить и заниматься уборкой к приходу гостя. Самое печальное было то, что денег у меня вряд ли наскреблось бы даже на простые пирожные, не говоря уже о фруктах и бутылке средненького вина. О том, что подобные заботы должны, как правило, ложиться на плечи кавалера, я не думала. Книжки, естественно, я читала и с правилами этикета была знакома. Но вот на личном опыте убеждалась, что мужчины не всегда обременяют себя подобными хлопотами. Или это только мне так везло? Мама всегда говорила, что мужчину нужно привлекать вкусной обильной едой. Одно время я старательно привлекала. То ли еда моя была для них не слишком вкусной и обильной, то ли я сама не слишком их интересовала, только с кормлением я решила навеки завязать. А тут на тебе! И рада бы

расстараться, да финансы мои пели романсы.

Видя мою нерешительность, Евгений снова выступил с предложением:

– Так я заеду за вами вечером, часиков в шесть? Я знаю неплохое кафе недалеко. Вы не возражаете?

Не возражаю ли я?! Да если бы у меня были крылья, взлетела бы к самому солнцу от счастья! А он еще спрашивает. Подумать только, меня пригласили в кафе! Победоносным взглядом смерила я сплетниц на лавке и, как маршал Жуков на коне во время парада, вбежала в подъезд с триумфом. Голая синяя птица в воротнике датского принца, сидящая на моей руке, добавляла мне величия и уверенности.

Я металась по дому, пытаюсь понять, с чего начать. Приняла решение начать с душа. Теплые струи барабанили по моей голове, и это было приятно. Я намазала волосы бальзамом для их роста, в тайне надеясь на то, что они способны вырасти до шести вечера. Пусть не все, но хотя бы подшерсток, чтобы придать объем моей прическе. Чтобы не взмокнуть снова, я решила не надевать на себя одежду. Носилась по квартире голая. Прохладно, свежо и приятно. Иннокентий наблюдал за мной, открыв рот. С воротником в клетку он не помещался, поэтому сидел на краю стола. Снять выданное в клинике украшение было невозможно, потому как он сно-

ва принялся бы за старое. Я была уверена, что он непременно начнет мстить и с осторожностью проходила мимо. Очевидно, жалкий вид моего тела напоминал ему о собственной неприглядности. В сердце тирана зародилась жалость. Я и сама старалась в зеркало смотреться поменьше, чтобы не улетучилась радость от предстоящего свидания.

Вытащив из шкафа всю одежду, я окончательно приуныла. Интересно, с чем связано мое пристрастие к черному цвету. До этого я и не замечала, что другие цвета в моем гардеробе отсутствуют. Разве можно назвать гардеробом две пары черных штанов на завязках, джинсы, черную водолазку и пару толстовок такого же цвета. Были у меня еще и майки, но они вряд ли подходили для первого свидания. Как я жила все это время, ума не приложу. Но это было время до, и оно прошло. Несмотря на позитивные мысли, начинающие зарождаться в моей голове, положение дел не изменилось. Одеться по-прежнему было не во что. Была бы рядом Ирка, она бы не дала мне пропасть. Усевшись на диван, я еще раз взглянула на гору черного тряпья. Отшвырнув все это безобразия куда подальше, я натянула на голову одеяло и зарыдала. Вот ведь ситуация. Живешь так и мечтаешь, чтобы жизнь свою изменить. А выпадает шанс и на тебе – нечего надеть. Всклипывая и утирая распухший нос, я поплелась к телефону, чтобы позвонить Евгению и сообщить, что не приду на свидание. Приложив к уху трубку и направив указательный палец к кнопкам, я поняла, что номера его не знаю.

Пока я рыдала, жалела себя, обвиняла весь мир вокруг за то, что создал меня такой, время на часах стремительно приближалось к пяти. Оставался только час, а я все еще была нечесаная и неодетая.

...Перед выходом осмотрев себя в зеркало со всех сторон, я осталась собой абсолютно недовольна. Но ведь бегемоты тоже хотят счастья и любви.

Я начала выглядывать в окно уже с половины шестого. Каждый раз, не увидев знакомой синей машины, говорила себе, что он не приедет. Не может быть, чтобы приехал. Где-то в глубине души я даже хотела, чтобы так и было. Тогда с чистой совестью я оправдала бы свое мнение о том, что все мужчины – сволочи. Одиночество и моя семейная неустроенность была бы не вынужденной, а вполне сознательной мерой. На вопрос «почему не замужем», всегда можно было бы ответить почти искренне – не за кого. Или еще того лучше – мужчины нынче перевелись, или вымерли, как динозавры.

Без пяти минут шесть у подъезда остановилась синяя машина. Глядя на нее через прозрачную штору, пыталась убедить себя, что это не та, пока из нее не вышел Евгений. Я снова пожалела о том, что не имею крыльев. Вылетела бы ему навстречу прямо из окна. Что он нашел в таком страшилице, как я? Даже старухи на лавке не смели его обсуждать. Я уверена, что каждая из них сейчас особенно горько сожалела, что молодость невозможно вернуть хотя бы ненадолго.

Он стоял весь такой красивый и правильный, что впору

писать картину. Наглаженные со стрелочками брюки синего цвета, нежно голубая тенниска, бежевые замшевые туфли. Море вкуса и обаяния. Я даже перестала завидовать Ирке с ее заграничными ухажерами.

В моем арсенале джинсы оказались самой парадной одеждой. Их, наверное, придумал какой-то гений. Жесткая ткань подтянула бока и прижала живот, делая его почти плоским. В них и пошла.

Евгений сделал вид, что моя красота его пленила. Вот, что значит хорошо воспитанный человек. Поцеловав руку и вручив розу на длинном стебле, он открыл для меня дверь машины. Под классическую музыку мы быстро домчались до выбранного им ресторана. Усевшись за столик, он протянул мне меню. Кое-какие блюда были мне знакомы, но были и такие, о которых слышать не приходилось. Наверное, он заметил мою растерянность и предложил лечь на его вкус, что я с радостью и сделала.

– Лучший ужин для девушки – рыба, – поведал он официанту, посоветовав заменить гарнир овощами.

А я-то надеялась на картошку фри, глупая. Скорее всего, джинсы не сумели скрыть все недостатки моей фигуры. Я постаралась поглубже втянуть живот.

Себе он заказал бифштекс средней прожарки и бокал красного вина. Я тоже люблю красное, но получила белое, потому что оно больше подходит к рыбе.

Евгений рассказывал о себе, своей семье, образовании и

профессии. Мне и рассказывать было нечего. Родилась, училась и теперь вот работаю в детском саду. Кому это может быть интересно? У него замечательные родители. Мама служит в театре, отец же преподает в каком-то институте. Вся семья так или иначе связана с искусством. Евгений, закончив институт искусств, служит художественным руководителем театрального коллектива. Он рассуждал о музыке, то и дело приводя меня в состояние шока спрашивая: «Помните сюиту Дебюсси “Весна” для женского хора или “Полет валькирий” Вагнера?»

Я только отрицательно качала головой в ответ, боясь, чтобы меня, не дай Бог, не попросили что-то уточнить или высказать мнение. Вот о валькириях я что-то когда-то слышала, только не помню, что и когда. А имя Дебюсси мне было мало знакомо. В памяти сразу всплыл Д’Артаньян. К счастью, Евгений не стал уточнять ничего на тему классической музыки. Легонько дирижируя ножом, он напел любимую мелодию и сам же получил от этого удовольствие.

– А ваши, Клабочка, какие любимые композиторы?

Хороводы в моей группе водились под детские песенки. Авторов я знала неплохо, как и их нетленные произведения, знакомые в основном по мультфильмам.

– Вы очень милая и непосредственная, – ответил Евгений на перечень любимых мной композиторов. – Вы как дитя.

Иннокентий был до утра заперт на кухне. А мы в этот вечер о музыке больше не говорили.

Роман наш развивался стремительно. Через неделю Евгений уже переехал ко мне вместе с тремя чемоданами. В двух из них лежали аккуратно сложенные костюмы и рубашки. В третьем были книги и множество папок с нотами. Евгений сам разложил свои вещи, не прибегая к моей помощи. Я подумала, что это очень хорошо, когда мужчина самостоятельный.

Иннокентий вел себя как сирота-приживалка, боясь причинить малейшее беспокойство. Он постепенно обрастал перьями и выглядел довольно прилично. Его клетку мы переставили на балкон, потому что Евгений считал недопустимым находиться птице там, где питаются люди. С балкона попугай наблюдал за всем, что происходит во дворе, иногда комментируя происходящее. Еще через пару недель Евгений сказал, что хочет вернуть птицу хозяевам. В общем-то, я была с ним согласна. Брала я птицу на небольшой срок, а прошло уже больше двух месяцев. В конце концов, за Иннокентием мог бы присмотреть Иркин муж. Насколько я понимаю, уже бывший. Хотя, может, он об этом еще не догадывался. Я очень надеялась, что все же он не настолько жесток, как было мне рассказано ранее.

Иркина жизнь в солнечной Италии бурлила со страшной силой. Первый ее возлюбленный Джулиано, по мнению Ир-

ки, оказался подонком и ничтожеством. Причины такой перемены отношений я не знала, потому что рассказывать все подробно по телефону было бы дорого. Но я подруге верю. На ее счастье подвернулся некий Марио, в миллион раз порядочнее прежнего ухажера, к тому же гораздо щедрее. Поэтому Ирка сейчас с ним. Только сердце ее не на месте, потому что появился на горизонте некий Ромео, которому она очень симпатизирует. Все у нее очень запутанно. Однако возвращение на Родину снова откладывалось, ведь личная жизнь превыше всего. Евгений в проблемы моей подруги вникать не хотел. Собрав попугая вместе со всеми его пожитками, он отправился по месту прописки Иркиного мужа. Я увязалась с ним, чтобы у того не было никаких лишних вопросов. Мужа своей подруги я никогда раньше не встречала, но симпатии к нему не испытывала. Какая может быть симпатия к человеку, который так бесчеловечно издевался над моей лучшей подругой?

Дверь нам открыл довольно молодой мужчина приятной наружности. Именно так бы я подумала, не зная, что это всего лишь личина, которую он надевает для посторонних. Иннокентия он принял без вопросов. Поинтересовавшись лишь, чем его кормить. Нам он предложил чай, но мы отказались. Он был очень огорчен, что его любимая Ирочка все еще не дома. Он сообщил, что она нашла работу в Италии, поэтому и решила задержаться, чтобы подкопить немного денег. Я слушала его, открыв рот. Очевидно, он совершенно

не в курсе, что переведен в разряд бывших. Скорее всего, он это заслужил, хотя и выглядел милым и интеллигентным.

Я очень переживала за подругу, представляя, как сложится ее жизнь, если и этот итальянский жених окажется не слишком положительным человеком. Мне даже было немного стыдно за собственное счастье. Все же она заслуживает его больше, чем я.

Жизнь моя проходила, как в прекрасном сне. Я старалась встать пораньше, чтобы к моменту, когда проснется мой любимый, был готов завтрак. Как оказалось, я имею слабое представление о том, что предпочитают мужчины по утрам. Хорошо, что Евгений сразу высказал свои предпочтения, это облегчило мою задачу. Это же нетрудно сварить овсяную кашу, яйцо всмятку и намазать маслом бутерброд. Кофе он варил сам, потому что я, словно безрукая, всегда умудрялась его переварить. Пока он завтракал, я успевала погладить рубашку, которая подходила к его сегодняшнему костюму. Затем он принимал душ, брился и уходил на работу. Я вдыхала запах его одеколона, и голова моя кружилась от счастья.

Теперь я чувствовала себя очень значимой. Жизнь моя как-то сразу обрела смысл. Евгений называл меня своей музой. Немного женщин удостоиваются такой чести – быть музой гения. В том, что мой любимый – гений, я не сомневалась.

Настал очень важный для меня день. Евгений решил познакомить меня со своими родителями. Критически осмот-

рел он мои наряды, наметив в ближайшую субботу поход в магазин. Мы отправились не на какой-то рынок, а в самый модный в городе торговый центр, где на шести этажах размещались эксклюзивные магазины с потрясающими нарядами. Он и здесь вел себя как истинный профессионал. Не прибегая к услугам продавцов, нашел подходящее по размеру платье, подобрав в тон ремень и туфли на невысоком каблучке. Мне показалось, что платье в цветочек меня несколько полнит и добавляет возраста, но Евгений сказал, что это как раз то, что будет приятно увидеть его маме. В отделе сумок мне была куплена прелестная новая сумочка розового цвета. Правда, розовый мне несколько не по душе, но я в этом деле понимаю мало. Очень хотелось произвести на маму моего жениха должное впечатление. Даже моя напарница Тамара Максимовна сказала, что поход к его родителям – дело очень ответственное. Эти будущие свекрови, по ее мнению, способны так настроить сына против невесты, что свадьбы может не быть вовсе. Этого бы я не пережила. Женечка стал единственным смыслом моей жизни, и разлуки с ним мне не перенести. Поэтому я решила сделать все, чтобы мама его меня приняла. До похода к родителям оставалась еще целая неделя, и за это время я решила похудеть. Стройных девушек свекрови воспринимают лучше, так мне казалось.

К назначенному дню я еле держалась на ногах от слабости. Вычитав в интернете рецепт экспресс диеты, я всю неделю ее придерживалась. В рецепте говорилось, что организм

нужно посушить, чтобы тело не выглядело грузно и мышцы обрели рельеф. Я не уверена, что вообще имею мышцы, потому что всегда была очень далека от спорта, но вот грузности было хоть отбавляй. Поэтому я приступила к сушке. Воды рекомендовалось пить самую малость, да и то, только тогда, когда чувствуешь сильную жажду. Питаться рекомендовалось стеблями сельдерея и салатными листьями. К концу недели я была похожа на обитателя лагеря. Понятно, что не пионерского. На утро торжественного дня я была записана в парикмахерскую. К счастью, эта была не привычная мне парикмахерская за углом, где над моей головой издевались все мастера по очереди, добиваясь в своем умении потрясающих результатов. Евгений записал меня в дорогой салон, где над прической трудились не меньше двух часов. Потом визажист опытной рукой сделал из моей измученной физиономии пышущую здоровьем красавицу. Я внимательно следила за каждым его движением, надеясь научиться чему-то. Но он, как фокусник, почти не прикасаясь к моему лицу, сумел изменить его до неузнаваемости.

Заехав за мной, Евгений был приятно удивлен произошедшей метаморфозой. Оглядев меня со всех сторон, он остался доволен.

Родители проживали в центре города. Купив в цветочном павильоне букет астр, мы направились туда пешком, припарковав машину в паре кварталов от дома.

– Вообще-то мама не любит, когда ей дарят цветы, – Ев-

гений с сомнением смотрел на букет.

– Но нужно же что-то подарить, когда идешь знакомиться, – я не представляла, как можно явиться в гости с пустыми руками.

Поднявшись на лифте на третий этаж шестиэтажного кирпичного дома, Евгений позвонил в обитую черным дерматином высокую дверь. Таких дверей я раньше никогда не видела, она была раза в два выше моего роста. Сразу видно, что дом старый и проживают в нем непростые люди. Дверь нам открыла невысокая женщина в невообразимой чалме на голове. Именно так я представляла себе служителя культуры. Какую именно должность занимала мама Евгения в театре, я не знала. Расспрашивать было как-то неудобно. Мне представлялось, что она непременно должна быть ведущей актрисой.

Величественным жестом нас пригласили войти. Даже небольшая узкая прихожая казалась больше за счет высоченных потолков. В моей квартире не нужно прилагать больших усилий, чтобы достать до потолка. Здесь же пришлось бы воспользоваться лестницей, чтобы заменить перегоревшую лампочку.

Поздоровавшись, Евгений поцеловал мать в щеку, прежде чем нас представить.

– Знакомься, милая. Это моя мамочка Амалия Модестовна, – он с нежностью обнял ее за плечи. – Это Клавочка, моя подруга, – представил он меня, рассматривая вместе с мате-

рю, словно видел впервые.

Признаться, чувствовала я себя весьма неудобно. От пристального внимания мне показалось, что я еще больше увеличилась в размерах и теперь занимала почти все пространство прихожей. Я казалась себе слоном в посудной лавке – такая же нескладная и неловкая. Не зная, куда определить ставшие вдруг помехой руки, я заложила их за спину. Несколько секунд пристального ко мне внимания показались годами.

– Это тебе, мамочка, – Евгений вручил купленные цветы.

– Право же, не стоило тратиться, – устало ответила Амалия Модестовна. Приняв букет из рук сына, положила его на столик в прихожей. – Цветы – это бесполезная трата денег. Лучше бы вы купили себе что-то полезное.

Конечно же, она была права. Только я впервые очутилась среди таких известных людей и не имела представления, как себя вести. Стараясь сделать это незаметно, я рассматривала хозяйку, пытаюсь узнать в ней известную мне актрису. Увы. Уровень культурного развития был настолько низким, что известных мне актеров можно было пересчитать по пальцам.

– Аркаша, спускайся, у нас гости, – позвала Амалия Модестовна мужа.

Он не слышал призыва, поэтому она направилась в кабинет. Мы последовали за ней. Таких кабинетов мне раньше видеть не приходилось. Стены небольшого пространства занимали стеллажи, заполненные книгами. Посреди комнаты

помещался лишь письменный стол и небольшое старое кресло с подставкой для ног. Сам Аркадий Аркадьевич сидел на лестничной ступеньке где-то под потолком. Он был так увлечен чтением, что ничего не видел и не слышал вокруг себя. Когда жена позвала еще раз, он вздрогнул и поспешно сунул книгу на верхнюю полку.

– Здравствуйте, милая девушка, – ласково обратился он ко мне, поспешно покидая свой насест. – Так вот кого скрывал от нас Женечка. Понимаю, понимаю, такое сокровище нужно прятать, чтобы никто не украл.

Он нежно пожал мою руку и долго ее не отпускал, наблюдая, как щеки мои начинают полыхать от смущения.

– Иди переодень рубашку, – Амалия Модестовна дернула его за рукав, чтобы он выпустил мою руку. – Когда-нибудь свернет себе шею на этой лестнице.

Мне показалось, что она была недовольна его словами. Однако следует быть менее придирчивой, как-никак это – моя будущая семья.

Обедали в большой комнате, расположившись за старым дубовым столом. Вся мебель в квартире была старинная, необычная. Резные ножки, бронзовые рамы, золоченые подсвечники. И запах в квартире тоже был весьма необычным. Пахло книгами, хорошим табаком, старыми вещами и еле уловимыми нотками женских духов. Квартира хоть и имела высокие потолки, но была настолько небольшая, что было непонятно, где все члены семейства могли размещаться,

чтобы друг другу не мешать. В кухне, чтобы не отдавить друг другу ноги, могли разместиться только два человека. Спальня вмещала лишь небольшую кровать и шкаф. В углу еле умещалось небольшое зеркало и стул на гнутых ножках с бордовым бархатным сидением. В гостиной, где располагались мы, основное пространство занимал стол. По периметру комнаты была расставлена всевозможная мебель. Мое внимание привлек диван. Наверняка он тоже был очень старым. Спинка его, обитая кожей, была настолько высокой, что полностью скрывала сидящего. Сейчас такой мебели уже не делали. Сиденье было твердым и неудобным. Мне при наличии весьма объемной пятой точки сидеть было крайне жестко. Про библиотеку, больше напоминающую клетку Иннокентия, я уже говорила.

– А где твоя комната? – поинтересовалась я у Евгения.

За столом повисла пауза.

– Почему, собственно, у Женечки должна быть собственная комната в этой квартире? – Амалия Модестовна выглядела возмущенной.

Опять я ляпнула что-то не подумав. Но ведь я не имела в виду ничего плохого, никаких претензий к имуществу моего жениха. Однако же мне показалось, что у родителей на этот счет сложилось другое мнение.

– До встречи с вами, дорогая, он проживал со своей женой Аленой. После развода переехал к вам. Здесь проживаем мы с Аркадием Аркадьевичем.

Ни про какую Алену до этого дня я слыхом не слыхивала. Мой Женечка был женат и ничего об этом не сказал. Видимо, по лицу читалось все, что происходило у меня внутри, потому что Евгений, склонившись к самому уху, прошептал:

– Только не надо устраивать сцен и портить людям настроение. Веди себя прилично, – глянув в мои вытаращенные глаза, добавил: – Моя милая.

Я почувствовала себя так, что была готова провалиться на месте. Он обманул меня. Как он мог! Я почти не слышала, о чем шел разговор за столом. В голове появлялись картины, где мой Женечка обнимает какую-то чужую, незнакомую мне девушку, называя своей женой.

Обед закончился, и хозяйка отправилась на кухню убирать в холодильник оставшуюся еду. Аркадий Аркадьевич относил туда же посуду, собирая тарелки со стола, ставя их друг на друга стопками. Женечка тоже поспешил на кухню, чтобы помочь. Меня оставили одну в обществе телевизора. Я переключала каналы, не понимая, что происходит на экране. Веселые лица раздражали. В груди образовался какой-то плотный комок, не давая привычно дышать. Внутри болело. Выключив телевизор, я облокотилась на спинку дивана и закрыла глаза.

Я слышала, как на кухне журчала из крана вода. Потом услышала голос Жени. Очевидно, он обращался к матери:

– Ну, как тебе она?

– Что я могу сказать. Клава, она и есть Клава. Но если тебе

нравятся такие, что поделаться. По крайней мере, я буду знать, что кто-то о тебе позаботится. Хотя мог бы подобрать что-то поинтереснее. Она такая крупная, и нос у нее большеватый. А размер обуви какой? Наверняка сорок второй.

Она засмеялась, представляя мою ногу сорок второго размера. Но это не так! У меня самый обыкновенный тридцать восьмой размер. Она не забыла упомянуть про мои жидкие волосы и большую попу. Так стыдно, что я слышала их разговор. Мне снова захотелось провалиться сквозь землю. Ком в груди увеличился в размере. Я это отчетливо чувствовала. Почему я не ушла, не знаю. Возможно, от полученного шока произошло временное помешательство.

Провожали нас, как самых дорогих гостей. Амалия Моде-стовна обняла меня, как родную, обещая, что теперь наши встречи будут случаться чаще. Немного подвыпивший Аркадий Аркадьевич принялся целовать меня в щеки. Жена еле сумела его оттащить.

Может, их слова мне только послышались. Не может быть, чтобы вся их приветливость оказалась лишь маской.

До машины мы брели молча. Я не решалась начать разговор. Женя выглядел раздраженным. Искося я поглядывала на него. Таким я видела его впервые.

– И долго ты собираешься играть в молчанку? – первым начал он.

Ни в какие игры я не играла, но отчего-то сразу устыдилась.

– Неужели ты не понимаешь, что мне было больно говорить о моих прежних отношениях? Это так трудно понять? Почему обязательно нужно упрекать человека его прошлым? Женщины бывают такими жестокими, что способны делать очень больно.

Не понимая, каким образом это произошло, но я вдруг почувствовала себя жестокой женщиной, которая причиняет боль любимому человеку. Запинаясь и мямля что-то невнятное, я пыталась объяснить Евгению, что он ошибается на мой счет. Что я не хотела его ни в чем упрекать и не делала этого. Он меня не слышал. Шел быстрой походкой вперед, и его слишком прямая спина заставляла меня дрожать от страха, что он чего-то не поймет, наши прекрасные отношения рухнут в одночасье. Мое недолгое счастье испарится, словно его и не было. Не понимая как, я уже просила прощения, пытаясь забежать вперед, чтобы увидеть в его глазах, что обида прошла и все возвращается в прежнее счастливое русло. Я обещала, что больше не буду его обвинять и постараюсь вести себя с ним более мягко. Объясняла, что у меня еще нет опыта совместной жизни, поэтому все и делаю коряво и неправильно. Когда он улыбнулся, мне показалось, что вечернее небо озарило вдруг яркое солнце. Мне хотелось рыдать от счастья. Мое сгоревшее счастье вновь воскресло, как птица Феникс.

Вечер закончился так сладко, как еще никогда в моей жизни. Теперь я понимала, когда говорят, что нет ничего лучше

примирения после ссоры. Я так его любила, что от нежности мое сердце разрывалось на части.

Семья – это самое важное для человека. Я искренне так считала. Теперь узнала, что это еще и большая ответственность. Даже представить трудно, какой эгоисткой была я раньше. Семейная жизнь учила меня сдерживать эмоции и с пониманием относиться к привычкам и потребностям своего партнера. Нужно сказать, что это не так просто. Утешало одно: мой любимый был со мной совершенно откровенен. Не каждая женщина удостоивается такого доверия. Я понимала это и очень ценила. Теперь Женечка не скрывал, что время от времени захаживает к своей бывшей. Он говорил, что ей иногда нужно помочь по хозяйству. Лампочку вкрутить или почистить пригоревший утюг. В последний раз он ходил туда, чтобы отнести лекарства, потому что Алена простудилась. Я пробовала объяснить Жене, что с подобными трудностями каждый в состоянии справляться сам, даже привела себя в пример. Теперь мне даже стыдно об этом вспоминать. Я мыслила как настоящая эгоистка. Женя меня устыдил. Ведь не все такие сильные, как я. Бывают женщины менее приспособленные к тяготам жизни, и без помощи им не обойтись.

– Если ты будешь меня упрекать, я перестану с тобой де-

литься и буду все делать тайно. Ты считаешь, что так будет лучше?

Конечно, я должна быть довольна тем, что человек делится со мной всем, что его волнует. Я была уверена, что сумею победить свой эгоизм и начну думать не только о себе, но и о других. Только почему-то в моей груди не переставало болеть. Иногда мне даже казалось, что наболевший ком разорвет грудную клетку, потому что занимает слишком много места. Я рассказывала о своей боли, но Женя посоветовал мне сходить к врачу, а не нагружать его моими бабскими проблемами.

– И почему это женщины любят жаловаться и канючить, портя другим настроение. Сходи к врачу, если у тебя что-то болит. Нечего загружать других своими надуманными проблемами. В конце концов, милая, я же не доктор.

Конечно, он прав. Как может он помочь. Нет ни своей клиники, ни карманного устройства для снятия кардиограммы. Неужели я превращаюсь в тоскливую тетю, жалующуюся на бесконечные недуги. И это в начале нашей совместной жизни... Что же будет потом? Нужно срочно брать себя в руки и становиться веселой хотя бы в глазах любимого.

Мои родители пригласили нас на ужин. Теперь, когда дело шло к свадьбе, они решили познакомиться с будущим родственником. По такому случаю мы купили большущий букет и торт. Для папы Женя выбрал бутылку хорошего коньяка.

Я сразу поняла, что мой выбор родители одобрили. С ма-

мой они очень быстро нашли общий язык, да и папа, обычно сдержанный в разговорах, смеялся и острил. Я была очень счастлива. Представляла себе нашу семью в будущем. В мечтах мы были счастливы. После ужина, помогая маме на кухне, я услышала о моем женихе много хороших слов. Но и без них знала, что он идеальный и мне в жизни очень повезло.

– Ты должна ему соответствовать, – советовала мама. – Он такой красавчик, любая будет юбкой перед ним мести, лишь бы понравиться. Ты же понимаешь, что внешность у тебя довольно средненькая. Таких – пруд пруди на каждом углу. Так что старайся, не потеряй свое счастье.

Я старалась. Была веселой, всем довольной и старалась не грузить собственными проблемами, внимательно слушая все сказанное им. С интересом изучая умные труды психологов во всевозможных женских журналах, я старательно следовала их советам. Статей сейчас публиковалось великое множество. Кроме того, многие женщины спешили делиться секретами счастливой жизни на страницах различных сайтов в интернете. Для новичка они были очень ценными. Какая женщина, вступая в брак, не мечтала прожить со своим избранником всю жизнь и умереть в один день? Свою жизнь я мечтала прожить именно так.

Торжественный день нашей свадьбы неумолимо приближался. Думая об этом, я нервничала, не понимая причины. Мама говорила, что так часто бывает. Это обычная предсвадебная лихорадка. Мой камень с груди не спадал. Я даже за-

писалась на прием к врачу. Сделали кардиограмму, но ничего, кроме легкой тахикардии, не обнаружили.

Если бы рядом была Ирка... К сожалению, она не объявлялась, налаживая собственную жизнь на итальянских просторах. В принципе, что такое свадьба – простая формальность. Мне и Женя говорил то же самое. Поставили подписи, выпили шампанское и неплохо подкрепились. Вот и все. Платье я решила не покупать. Зачем тратить такие деньги ради одного дня, тем более Женечка уже был женат и нечто подобное у него в жизни уже происходило.

Жизнь моя протекала в обычном русле, только теперь борщи и котлеты я готовила, будучи в официальном статусе жены. Со дня появления печати о браке в моем паспорте, мама изводила меня вопросами, не беременна ли я и когда мы планируем подарить им внука. Повторения ее были столь частыми, что мне казалось, что это мои собственные мысли и желания. В одном мама была права, что время бежит, а мы не молодеем. Я пробовала говорить с Женей о ребенке, но он и слышать меня не хотел. В сущности, он и сам был еще ребенок. Ему хотелось пожить для себя, и мое внимание не хотел делить с кем-то третьим. Это даже льстило. Значит, мое внимание и забота были для него важны. Я была очень счастлива.

Много времени Женечка проводил на работе. Шутка ли, организовать певческий коллектив и разработать для него подходящий репертуар. Иногда они ездили на гастроли. К счастью, поездки были не слишком долгие. Пару дней, максимум три. Из поездок Женечка возвращался уставшим и хотел одного – спать, чтобы его никто не трогал. Как изматывает работа с людьми! У каждого свои желания, требования и капризы. А руководитель должен терпеливо сносить, словно он не живой человек, а бесчувственный робот. Я старалась, чтобы дома он получал только положительные эмоции, отдых и вкусную еду. Только сама я почему-то начала поправляться. Встав на весы, обнаружила, что на мои бока приклеилось еще пару килограммов. Исключив из рациона все булочные изделия, изменений тем не менее не обнаружила. Утром до работы я, как умалишенная, крутила обруч, надеясь, что моя талия обретет хотя бы прежние очертания. Тщетно. Я начала замечать, что, смотря по телевизору фильм, или какую-то программу, радуюсь в душе, если та или иная актриса поправилась. Оказывается и звезды могут быть не столь уж лощеными и гладкими. У кого-то облегающее платье предательски демонстрирует неидеальные бока или выпирающий живот. Для кого-то бывшая красота осталась далеко позади. Любимым сайтом в интернете теперь стал тот, где демонстрировались звезды эстрады и кино без макияжа. На их фоне даже я выглядела более-менее привлекательно.

Каждый день, спеша на работу или возвращаясь домой, путь мой пролегал возле больших стеклянных окон тренажерного зала. Велодорожки были приставлены почти вплотную к окнам, чтобы все прохожие могли наблюдать за тем, как тренируют свои тела, одновременно оздоравливаясь, такие же, как мы. У кого-то увиденное пробуждало желание двигаться, и вскоре они, вооружившись новенькой формой и кроссовками, пополняли ряды новоявленных спортсменов. Проходя мимо, я не сводила глаз с бегающих и крутящих педали. Они казались мне какими-то недостижимыми за оконным стеклом. Целеустремленные, сильные, красивые и подтянутые. Представляю, сколько бы смеха вызвало у них мое появление. Бегемот на беговой дорожке – на это бы сбежался посмотреть весь зал. Но мысль о тренажерах меня не покидала. Я даже заикнулась об этом мужу.

– Делать тебе нечего, как ходить в зал. Знаю я, зачем туда женщины ходят. Только тебе это ни к чему, у тебя есть муж. Не хочу, чтобы на тебя какие-то мужики глазели. Если тебе движения не хватает, так лучше домашними делами займись.

Я давно не видела, чтобы мой Женечка так нервничал. Потом до меня дошло, что это была обыкновенная ревность. Даже не верилось, что он может меня ревновать, представляя, что кому-то я могу приглянуться. Но, как же мне было приятно! Конечно, он меня любит, раз боится потерять. Снова мое сердце наполнилось нежностью.

– Не переживай, я никуда не пойду. Раз ты не хочешь, то я тоже не хочу, – поспешила я успокоить своего ревнивца.

– Не думай, я вовсе не ревную, – испугался, что я его рассекретила. – Но войди в мое положение. Ты женщина семейная и прежде всего должна думать о доме и муже, а не о том, как перед чужими мужиками красоваться. Нельзя же быть такой эгоисткой.

Конечно, прав был мой любимый ревнивец. Я хотела обнять его и поцеловать, но он терпеть не мог нежностей.

Однажды дома зазвонил телефон. Я взяла трубку и услышала знакомый голос. Это была моя дорогая подруга. Как же давно я ее не слышала, а еще дольше не видела. Я очень без нее скучала.

Дела ее были не очень радостными. Последний ухажер, даже не помню, как его звали, оказался еще хуже предыдущих. Авторитетом в его жизни была только мама, которая по непонятной причине невзлюбила подругу сына. Она позволяла им встречаться, но как только вопрос встал о более серьезном продолжении в отношениях, заявила свой решительный протест. Сын, повинувшись ее желанию, расстался с Ирккой. Как говорила, обливаясь слезами моя несчастная подруга, бывший ухажер ее уже готовится к свадьбе с той, кого выбрала его мамаша.

– Ты такое когда-нибудь слышала? – кричала трубка возмущенно. – Другой бы на его месте быстро поставил ее на место. А этот, как теленок, готов выполнить любой ее ка-

приз. Мне же он предложил сохранить отношения, обещая иногда посещать во время сиесты.

Ирка ревела белугой, и мне никак не удавалось ее утешить. Своего первого мужа теперь она считала идеалом и очень переживала, что вернуть прежние отношения невозможно. Кроме того, она очень скучала по родным местам и хотела вернуться, как только уладит какие-то свои дела.

– А ты-то как поживаешь? – поинтересовалась она. – Все воспитываешь чужих детишек?

Возможно, момент для того, чтобы сообщить об изменении в моей жизни был не слишком подходящий. Но я так хотела поделиться с ней моей радостью, что не выдержала.

– Я замуж вышла.

– Ну, ты, мать, даешь! – отозвалась трубка после некоторого молчания. – И кто это ископаемое?

– Почему ископаемое? – удивилась я.

– Да потому что мне очень интересно, где ты умудрилась его откопать, – захихикала Ирка.

Естественно, что она могла подумать, неплохо зная мои способности знакомиться и завязывать отношения. Наверняка решила, что я пригрела какого-то бомжа, который и женился на мне в качестве благодарности. Или что-то в этом роде. Конечно, не слишком приятно, зато откровенно. Кто же еще скажет правду, даже не самую приятную, если не родные люди. Я и сама не понимала, как мне могло так повезти. Каждый день думала со страхом, что с глаз мужа упадет

пелена, и он увидит, кто на самом деле находится с ним рядом. Вокруг кишмя кишат красотки с накаченными попами и силиконовыми бюстами соблазнительных размеров. Я же обыкновенная, ничем не примечательная, серая личность с весьма посредственной внешностью.

Ирка очень удивилась, когда я сообщила ей, что муж мой молод, хорош собой, при этом еще и артист. Ну, или почти. Она сказала, что желает сама посмотреть на это чудо. Как же я хотела их познакомить, надеясь, что они станут добрыми друзьями.

Из Италии Ирка привезла несметное количество нарядов и новую, редкую в наших краях, красивую фамилию. Теперь вместо Федотовой она стала Лопез. Сама тоже изменилась. Тощая, загорелая и, несмотря на все проблемы, веселая и жизнерадостная.

Она ворвалась в наш дом, как ураган, все вокруг заполняя своей кипучей энергией. Мне привезла какую-то умопомрачительную юбку и такую же кофту. Добрая моя, она забыла, что мои размеры далеки от совершенства. Юбка обтянула живот, выделяя его среди других частей тела. Даже муж хмыкнул, увидев меня в таком наряде. Это Ирке можно носить такие вещи, ей все к лицу.

Потом мы пили чай, и подруга рассказывала об Италии.

Она умела так подобрать слова, что я чувствовала, словно сама была в центре событий. Видела высокие горы с узкими серпантинами дорог, бежала по обжигающему песку, спеша окунуться в море, пила молодое виноградное вино, пьянея от аромата. У меня никогда не получалось так рассказывать. Мне еще в детстве папа всегда говорил, что молчание – это золото. Особенно, когда не имеешь таланта оратора. Такого таланта я не имела, поэтому чаще предпочитала промолчать.

Без стеснения рассказывала она о своих отношениях с местными сеньорами. Вместо нее краснела я, то и дело поглядывая на Женю. Казалось, что ее легкомысленное поведение вызывало в нем негодование при его воспитании и серьезных взглядах на жизнь. Я очень переживала, что он может сказать Ирке какую-то колкость, которая ее обидит. Ему же не понять, что вся ее веселость напускная, чтобы не наводить на слушателей тоску.

На вопрос, каким образом, живя в Италии, ей досталась не совсем итальянская фамилия, Ирка поведала о еще одной истории. Некоторое время она была знакома с одним американским туристом. Так, ничего особенного, кроме выдающейся фамилии. Будучи яркой поклонницей всемирно известной певицы, Ирка во что бы то ни стало возжелала получить такую же фамилию. Поэтому ей пришлось ненадолго сходить замуж. Зато теперь она была ни какая-то там Ирина Федотова, коих в нашей стране пруд пруди, а Ирина Лопез. О таких наверняка мало кто слышал.

Подобное легкомысленное отношение к браку мой Женечка перенести не мог. Поэтому, найдя благовидный предлог, он удалился из кухни и включил громче телевизор, чтобы избавить свои уши от продолжения Иркиной исповеди.

– Это ж надо, какой он у тебя нежный, – скривилась подруга. – Терпеть не могу таких культурненьких.

Конечно, мой Женечка был очень культурным и воспитанным. Что же в этом плохого?

Посидев еще немного, Ирка ушла, на прощание показав язык мужу, который в это время был поглощен телевизионной программой. Не успела я войти в комнату, как услышала о подруге все, чего мне никак не хотелось бы слышать. Он называл ее легкомысленной, неумной, шумной и безвкусно одетой. Мне было очень неприятно слышать такие слова. Ничего подобного я в ней не замечала. А то, что она встречалась с некоторыми мужчинами, нынче пороком не считается. Как иначе можно найти свое счастье? Только в сравнении. Каждый волен искать любовь так, как подсказывает его сердце. Мне в жизни повезло, а моей подруге пока нет.

Евгений попросил не приглашать Ирку к нам. По крайней мере, если он дома. Судя по реакции подруги, мой Женечка ей тоже не очень понравился.

Теперь мы встречались с ней только в городе и про мужа она не говорила. Иногда называла нарциссом, но никогда по имени. Женя тоже о ней старался не упоминать. Если случалось, называл ее не иначе, как «козьи ножки». Сотни

женщин отдали бы многое, чтобы получить такие ноги, как у Ирки, а он – «козьи ножки». Я пыталась ему объяснить, что сейчас модно, чтобы женские ноги были худые, а колени острые, но он и слушать не хотел. Неприятно, когда два близких тебе человека друг друга на дух не переносят.

Это было единственным неприятным моментом в моей жизни. Все остальное было ровным и предсказуемым. Я знала, как начнется день, как закончится тоже не было для меня сюрпризом. Женя говорил, что это нормальная семейная жизнь, о которой он всегда мечтал. Мне же хотелось впустить ветер, чтобы он все перемешал и взбаламутил.

Каждый день, уходя на работу, муж целовал меня в щеку. Каждый вечер, возвращаясь домой, он снова меня целовал и называл милой. Моя беда была в том, что милой я себя не чувствовала, как не чувствовала тепла от его поцелуев. Я усиленно углубилась в чтение журналов и психологических статей, чтобы объяснить себе собственные ощущения. Выяснилось, что кризис первого года совместной жизни мы пережили не заметив. Следующим был кризис трех-пяти лет совместной жизни. Как раз в эти рамки укладывались наши отношения. Именитые психологи описывали симптомы кризиса, в которых я узнавала собственные. Нет, мы не начали ругаться, оскорбляя и разбивая посуду о головы друг друга. Все у нас было мирно, как всегда. Исключая гастрольные поездки и дополнительные репетиции, Евгений почти все время проводил дома со мной. Он любил, чтобы его никто не

тревожил и старался даже не отвечать на телефонные звонки, оставляя рабочие моменты для работы. С тех пор как мы поменяли мою однокомнатную конуру на большую квартиру, он уединялся в кабинете, куда никто не мог войти. Творческие люди имеют свое право на одиночество. Он любил, чтобы в доме пахло выпечкой, и я старалась его порадовать. По субботам мы навещали его родителей, иногда заезжали к моим. Только появляться там для меня становилось все тягостнее. Мама проводила среди меня разъяснительную работу на тему детей, стараясь подключить к разговору папу. Я бы и сама хотела, чтобы в нашей большой квартире какой-то карапуз разбрасывал игрушки и капризничал, нарушая тишину громкими криками. Только как объяснить им: чтобы завести ребенка, кроме моего, требовалось желание еще одного члена семьи. В своем нежелании иметь детей Женя был категоричен.

– Чего тебе не хватает? – нервничал он, как только я начинала неприятную для него тему. – Тебе нужны эти вонючие памперсы или нескончаемые капризы? Если тебе мало заботы обо мне, тогда купи себе рыбок, о них и заботься. Милая, пора уже начать думать не только о своих желаниях, но и учитывать интересы близких.

Я долго обдумывала его слова. Чем больше я думала, тем больше казалось, что он абсолютно прав. Есть такие люди, которые не хотят детей, что в этом такого. Мы нашли друг друга и счастливы, зачем все портить. Больше к теме детей

я старалась не возвращаться.

Став активным пользователем интернета, я подписалась на различные кулинарные сайты. Как только выпадала свободная минутка, изучала новый рецепт и приступала к его воплощению на собственной кухне. Я неплохо знала итальянскую, французскую и даже мексиканскую кухню, стараюсь радовать мужа разнообразием. Он был очень рад отве-дать что-то новенькое. Кушал, давал оценку и уходил из-за стола, не забывая при этом целовать меня в щеку. Однажды я подумала, если вместо щеки подставить ему, к примеру, вазу для цветов или простую кастрюлю. Отчего-то мне казалось, что разницы он не почувствует. Кризис в отношениях ощущался мной все сильнее с каждым днем. Или он был только плодом моих собственных фантазий? Я пробовала погово-рить об этом с мамой, но она сказала, что я бешусь с жи-ру. Скорее всего, она права. У других мужья пьют, бьют и не приносят в дом денег. У меня все было с точностью на-оборот. Женечка не пил, никогда не поднимал на меня ру-ку и даже не повышал голос. Деньги выдавал раз в месяц по списку, чтобы хватало на питание, коммунальные платежи и непредвиденные расходы. О чем еще может мечтать женщи-на? Если учесть, что на пятом году брака он продолжал на-зывать меня милой, то меня, вообще, можно было отнести к той малой части женщин, имя которым – счастливицы. Ко-нечно, я была бесконечно счастлива.

Однажды я заметила, как некогда густая шевелюра му-

жа начала редеть. Как же это было мило. Маленькое розовое пятнышко на макушке. За это я полюбила Женечку еще больше. С этой начинающейся лысинкой он казался мне до невозможности беззащитным. Я поцеловала его в отметину, мечтая, чтобы он как можно скорее полностью облысел. Тогда он точно никому не будет нужен и сможет убедиться в моей бесконечной любви.

– Что это еще за нежности? – он недовольно дернул плечом, чтобы я не мешала ему читать газету.

– У тебя на макушке лысина намечается. Это так мило.

– Что за чепуху ты несешь? – он принялся ощупывать макушку, не веря моим словам. – Нет там никакой лысины, не выдумывай. Это просто волосы немного примялись, вот и все.

– Представляешь, пройдет какое-то время, и мы станем старые. Будем гулять по парку, поддерживая друг друга. Помнишь, мы видели однажды таких стариков. Они медленно брели по дороге, держась за руки. Я бы так хотела, чтобы наша старость была такой же. А потом мы умрем в один день и даже по ту сторону жизни будем вместе.

Я так размечталась, представляя счастливый уход в вечную жизнь двух любящих людей, что слова Женечки произвели ощущение холодного отрезвляющего душа:

– Дура!

Очевидно, стареть и отправляться в другой мир он был не намерен.

– Что-то в наших отношениях не так, – жаловалась я Ирка. – Вроде ничего не изменилось, и я по-прежнему для него милая, только так тошно, что сил нет. Хочется что-то поменять кардинально. Может, мне начать с прически, как думаешь?

– Да, мать... Видать, заездил тебя твой нарцисс. Новая прическа – это дело хорошее. Говоришь, он длинные волосы предпочитает? Так нужно назло сделать их короткими, чтобы у него глаза на лоб от удивления вылезли! Встречаемся в шесть. Я отведу тебя к своему парикмахеру. Она знает толк в прическах.

Ирка молодец. Я бы днями что-то обдумывала и ни на что не решилась. А она все делает на раз-два. И правильно, зачем откладывать в долгий ящик. Если бы мне хоть чуточку ее уверенности и решительности. В конце концов, мои волосы – что хочу с ними, то и делаю. Мало ли, что кто-то любит длинные. Лично я теперь предпочитаю стрижки. Как же мне было страшно менять что-то в своей внешности. Природа не слишком старалась, когда наградила меня тем, что произрастает на моей голове. С трудом отрастив волосы, я умудрялась слепить из них что-то наподобие гульки и была вроде даже довольна. И вот теперь пойти и состричь плоды моего многолетнего труда... Но раз Ирка считает, что новая

стрижка внесет свежую струю в наши семейные отношения, так тому и быть. В конце концов, Иркин опыт с моим не сравнится. Что касается отношений с мужчинами – ей, конечно же, виднее.

Когда я пришла домой в новой прическе, Евгений даже позабыл напомнить, что ужин в нашей семье подается к семи. Обычно про такие вещи он никогда не забывал. Он рассматривал мое преображение, и лицо его мрачнело с каждой минутой.

– Кто надоумил сотворить с собой это? – назвать мое преображение на голове прической у него язык не повернулся. – У тебя щеки шире, чем объем волос на голове.

Он развернулся и ушел. Я же чувствовала себя гадким червяком, недостойным ни жалости, ни понимания.

Закрывшись в ванной, принялась рассматривать в зеркале свое отражение, не совсем узнавая в нем себя. Голова похожа на бильярдный шар с белым ежиком коротких волос. Разве можно при такой круглой физиономии иметь такую прическу? Горькие слезы отчаяния меня чуть не задушили. Ирка утверждала, что у меня правильная форма черепа, и я должна ее демонстрировать. При помощи двух, направленных друг на друга зеркал, я попробовала рассмотреть затылок. Может быть, он имел ту самую правильную форму. Ничего подобного. Весьма плоский затылок со стоящим на нем дыбом вихром. Как жить после увиденного – я не представляла.

Ирка утешала меня, как могла.

– Зато заметил, – пробовала она шуткой поднять мой боевой дух. – Через пару дней он привыкнет и будет воспринимать как положено. Западные женщины давно перестали обращать внимание на мужчин и живут в удовольствии, особенно не утруждая себя маникюрами и педикюрами. И поверь, все довольны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.